

ВЫБОР ИСТОРИИ: БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ИЛИ БУДУЩАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Расторгуев В.Н., - доктор философский наук,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Образ будущего формируется вне зависимости от того, входит ли это в наши намерения, и независимо от того, какой деятельностью заняты. Даже когда предмет нашего мышления – ретроспекция и временные горизонты уходят на столетия и даже тысячелетия в прошлое, как это имеет место при становлении цивилизационных теорий, в них присутствует неявное или явное прогностическое знание.

Ключевые слова: Цивилизация, установки, теории, представления.

CHOOSING A STORY: THE FUTURE OF CIVILIZATIONS
OR A FUTURE CIVILIZATION?

Rastorguev V. N., - Doctor of Philosophy,
Professor of Lomonosov Moscow State University

Annotation. The image of the future is formed regardless of whether it is part of our intentions, and regardless of what activity we are engaged in. Even when the subject of our thinking is retrospection and time horizons go back centuries and even millennia into the past, as is the case with the formation of civilizational theories, there is implicit or explicit predictive knowledge in them.

Keywords: Civilization, attitudes, theories, ideas.

Поэтому, говоря о любых цивилизационных теориях, в том числе и конкурирующих почти всегда следует выделять две методологических установки, которые обычно не фиксируются даже самими авторами различных концепций. У всех ныне существующих цивилизаций как само собой разумеющееся предполагается некое будущее, но образ этого будущего постоянно видоизменяется и принципиально различен у носителей

цивилизационной идентичности, и у тех, кто оценивает перспективы развития и потенциал со стороны другой идентичности.

Однако сама возможность объективной оценки маловероятна, поскольку предполагает допущение некоего общечеловеческого идеала-цивилизации. Такой идеал действительно существует, но представляет собой искусственно созданный концепт, возникший еще на заре цивилизационной теории и представляющий собой не что иное, как экстраполяцию видоизменённого самообраза западной цивилизации, поскольку она была наиболее успешной и именно поэтому только у неё и есть будущее, по мнению её же адептов. При этом превращая западную цивилизацию в идеал и образец, создателям пришлось пожертвовать теми её особенностями, которые по определению не могут быть общечеловеческими. В число последних попала, в первую очередь, её христианская сущность. Таким образом, общечеловеческая «цивилизация будущего» с самого начала есть не что иное, как учение цивилизаторства, убивающее одновременно и многоликость цивилизационного мира, и саму западную цивилизацию, которая превращается на наших глазах в сугубо технологический постхристианский мир. Говоря проще, мы стоим перед историческим выбором – или принять как данность будущее каждой цивилизации, или принять концепт универсальной цивилизации будущего.

О каких же установках, присутствующих в любой цивилизационной теории, идет речь? Первая установка – ориентация на познание, описание и (или) историческую реконструкцию ныне существующих или канувших в Лету локальных цивилизаций. Эта установка максимально приближена к функциональным целям научного познания и доминирует в исследованиях «традиционной цивилизатологии» в таких специализированных областях науки, как философия и археология, историческая и сравнительная лингвистика, этнография и далее по детальному списку специальностей, включающих в свои предметные области отдельные проблемы или темы цивилизатологии. (Сразу отметим, что цивилизатология институализирована

только в качестве «агрегата знаний» и не имеет статуса особой науки, представляя собой актуальную междисциплинарную сферу научных интересов.)

Вторая установка – проектное мышление с его собой оптикой и мотивацией, до неузнаваемости искажающей даже ретроспективную картину и сам исторический цивилизационный дискурс, поскольку сознание исследователя против его воли подвергается скрытой индоктринации со стороны «великих учений» – радикальных политических идеологий, которые представляют собой альтернативные проекты глобального и тотального переустройства мира, в первую очередь – его конфессионально-цивилизационной основы.

Подобная установка характерна для политического знания во всех его разновидностях – от практического «знания знати», защищенного скорлупой гостайны (чаще всего тайна заключается не в самом знании или отдельных фактах, а в том, какую информацию следует считать тайной) и так называемой инсайдерской информацией, чаще всего открытой, но недоступной для непосвященных. Здесь имеются в виду меж- и внутрикорпоративные знания, которые складываются годами, и особый язык, внешне зачастую ничем не отличающийся от общеупотребительного узуса. Только носителями уникального опыта дано понять особые концепты, внешне похожие на известные каждому термины, но включающие в себя совершенно особые смыслы. Инсайдерскими можно назвать и особые знания и подлинном «политическом весе» отдельных участников политического процесса, который не соответствует ни их официальному статусу, ни с набору должностных или ведомственных компетенций.

Следует также сказать, что обе установки явно или неявно присутствуют в философских цивилизационных теориях, выполняющих особую роль в становлении авторских концептов цивилизации – как научных, так и «околонаучных», к которым следует отнести «обезличенные концепты», то есть

дефиниции терминов, используемые в популярных справочных изданиях и в процессе образования. В подобных дефинициях, да и то в лучшем случае, может содержаться отсылка к наиболее распространенным концептам.

Скрытое доминирование проектного начала в цивилизационном дискурсе привело к тому, что в конце второго тысячелетия и в самом начале третьего произошла удивительная метаморфоза в восприятии цивилизации. Можно с полным основанием говорить о переосмыслении этого и без того «размытого» понятия – одного из самых многозначных в языках науки и образования, но до недавнего времени почти нейтрального в политическом отношении. Именно в этот период все вдруг и сразу заговорили о столкновении и грядущей или уже идущей войне цивилизаций. Наиболее эффектным и эффективным (в плане политизации цивилизационной теории) оказался сценарий, бегло набросанный С. Хантингтоном, хотя он не отличался ни особой новизной, ни проработанностью деталей, ни глубиной анализа от тех прогнозов, что были сделаны основоположниками цивилизационного подхода в науке.

Что же произошло с массовым сознанием на рубеже тысячелетий, почему оно столь остро отреагировало на проблемы, которые накапливались многими столетиями и всегда относились к разряду академических? Причина кроется не в набатных текстах всполошенных интеллектуалов, работающих на «фабриках мысли» – аналитических центрах, которые в течение последнего столетия сложились во многих станах мира и обслуживают структуры власти (кстати, сам Хантингтон руководил рядом таких организаций). Впрочем, недооценивать эти предупреждения о новых угрозах не следует уже по той причине, что на бездымных «фабриках» по производству смыслов политики просчитываются сценарии вполне реальных войн, то есть «куются угрозы» и вырабатываются соответствующие им модели управления рисками нового поколения.

Но есть причины более глубокие, порождающие одновременно и активность аналитиков, встроенных в большую политику, и организованные «медийные страсти», и возникновение панических настроений в массовом

сознании. Общество чутко реагирует не только и не столько на изменчивую политическую конъюнктуру и управляемые информационные волны (за многие десятилетия контактов со «второй реальностью» у большинства людей вырабатываются защитные механизмы), сколько на опыт непосредственного столкновения с новой и зачастую непонятной социальной реальностью, где не работают безотказные принципы рецептурного мышления. Чужие и чуждые цивилизации без предупреждения ворвались в оазис потребительского благополучия, постучались в окошко каждого европейского обывателя. И не услышать этого стука уже не получится ни у кого, даже у тех, кто впитал с материнским молоком добрые сказки о мультикультурализме и толерантности.

Сравнительно недавно, до «цивилизационного бума» в публичной политике и политологии, о цивилизации как о политической категории если и вспоминали, то в рамках традиционной и расслабляющей цивилизаторской самоидентификации. Дело в том, что носители «высшей цивилизации» потребляют вместе с «большим рассказом» (своего рода сказкой для интеллектуалов) о ее несомненном превосходстве ничем не обоснованную надежду на «всепобеждающую силу прогресса» и «плавильного котла», из которого якобы и выходит современная цивилизация, призванная освободить человечество от угрозы межцивилизационных войн.

Сохранению иллюзорного чувства безопасности у представителей «цивилизованного мира» до недавнего времени помогало традиционное деление стран на «своих» (западная цивилизация как некое мощное наднациональное и «надрелигиозное» единство) и «чужих» (варваров). В последний разряд причислялись скопом все «варварские страны и народы», которые якобы ждут от цивилизаторов или просвещения, или наказания, или просвещения и наказания в одной упаковке. Очевидно, что любые обоснования такого убеждения (уверенности в полном тождестве мировой и западной, европейской цивилизаций, а также в праве ее навязывать), высмеянное почти во всех сколько-нибудь значимых исследованиях, опирающихся на изучение

законов развития полицивилизационного мира, вряд ли можно отнести к сфере научного знания.

Подлинной «обителью» научного цивилизационного дискурса всегда оставалось, как уже отмечалось, сообщество историков и, прежде всего, специалистов в области археологии, историко-культурологической и страноведческой компаративистики. Естественно, что политическая злободневность почти не проникала в язык традиционной «цивилизатологии», например, в описание древних артефактов, напоминающих о давно умерших цивилизациях. Намеки на политические реалии и ассоциации такого рода лишь слегка окрашивали околonaучные футурологические тексты о будущих и, особенно, об иноземных цивилизациях (заметим, что выражение «околonaучный» в большинстве случаев не является оценочным и не тождественно ни вненаучному, ни лженаучному; оно указывает всего лишь на недостаточную степень институционализации того или иного направления научного поиска).

Кстати, «грядущие» и «иноземные цивилизации» то и дело напоминали о себе и были в центре внимания благодаря искусству фантастов, творцов новых утопий и антиутопий. Расцвет этого искусства пришелся на вторую половину XX века, что вполне объяснимо: в этот период не только изобретались, но и активно воплощались в политическую явь великие идеологии, принявшие облик конкурирующих глобальных цивилизационных проектов, призванных вытеснить из жизни все традиционные формы цивилизационного многообразия. Околonaучная и художественная футурология служила и отражением, и фоном, и поисковым полем грандиозных экспериментов в геополитике, основными инструментами которой были и остаются тотальная индоктринация и цивилизационная унификация.

Есть ли способ соединить несоединимое в устоявшихся представлениях о цивилизации и цивилизациях, если за каждой концептуальной схемой стоит либо давно сложившаяся научная школа, получившая признание и

опирающаяся на армию адептов, либо языковой узус (различный у разных народов), либо идеологемы, вошедшие в сознание и подсознание многих поколений, искренно уверовавших в реалистичность великих утопий – «новых цивилизаций»? Думается, такая возможность существует, но требует в качестве главной предпосылки уважения к концептуальному разнообразию, которое останется неустранимым во все времена, но не исключает поиск инвариантных смыслов. Вторая методологическая предпосылка – признание того факта, что даже самые образованные люди с трудом замечают границы, отделяющие язык науки (языки различных научных дисциплин) от языка массового образования, а то и другое – от языка публичной политики и обычной повседневной речевой практики, где происходит «смешение языков» и царствует «детерминализация».

В научном дискурсе узкие профессионалы имеют уникальную возможность использовать концепты особого рода. Речь идет о понятиях, как бы имеющих на себе особый знак или «пробу», наподобие той, которую мы видим, например, на золотых и серебряных изделиях или слитках. Этот символ, который сразу прочитывается знающим человеком, – не что иное, как свидетельство о принадлежности концепта ко вполне определенной авторской концепции, конкретной теории или научной школе. Аналогия подобных концептов с дорогими изделиями становится более приемлемой, если вспомнить и о «руке мастера», а также о его известности среди ценителей. Точно так же, как «мировое хождение» имеют далеко не все «клейма», научные имена, авторские теории и национальные школы имеют различный «вес» в научном сообществе, что во многом зависит от политики страны, которая желает защитить свое «пространство смыслов».

По этой причине в большинстве случаев специалисту, говорящему о цивилизации, достаточно упомянуть, какую определенную теорию он имеет в виду применительно к тому или иному конкретному случаю (будь то теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, позиция О. Шпенглера или

взгляды кого-то из его интерпретаторов), чтобы устранить основную часть возможных «разночтений». Знания такого рода не требуют от их носителей безусловного признания (напротив, у каждого подхода и метода свои возможности и границы) и носят закрытый характер, будучи своеобразным аналогом инсайдерской информации. Это делает их труднодоступными, но резко снижает риск подмены понятий. В результате если дискуссия и возникает, то сразу же приобретает конструктивный и деловой характер.

Однако ситуация резко меняется, когда речь заходит о процессе распространения и популяризации научных знаний, а тем более о различных уровнях, моделях и этапах образования, где с необходимостью происходит адаптация знаний и унификация концептов, а следовательно, и возникает искушение подмены понятий. Если, к примеру, в научной работе ссылка на обезличенную словарную статью недопустима, то в образовательном процессе и рамках просветительской деятельности или «самопросвета» именно словари и (в лучшем случае) хрестоматии становятся основным источником пополнения знаний. Даже в сфере профессионального образования в обороте находятся преимущественно так называемые общенаучные понятия, которые, с одной стороны, выполняют множество необходимых функций, обеспечивающих коммуникацию, но, с другой стороны, подменяют концепты, искажая до неузнаваемости исходные смыслы.

Даже новейшие энциклопедические словари ограничиваются набором крайне упрощенных схем, в соответствии с которыми под цивилизацией понимается, к примеру, «следующая за варварством ступень культуры, постепенно приучающая человека к плановым, упорядоченным совместным действиям с себе подобными, что создает важнейшую предпосылку культуры». И эта цитата – далеко не худший типовой образец производства «общенаучных понятий» из узко понятых педагогических соображений («чтобы было просто и понятно»). По сути, если продолжить образный ряд, который мы открыли сравнением концептов с золотыми изделиями, «словарные знания» и

общенаучные понятия, эксплуатируемые в системе образования и просвещения, можно уподобить бумажным деньгам, которые в большинстве случаев делают возможными общение и «обмен знаний». Риски, связанные с использованием такого рода «заменителей концептов», снижаются при условии, что существует «золотое обеспечение», а «пользователи знаний» помнят или догадываются о его существовании, хотя ни разу и не бывали в «хранилище подлинных ценностей».

Совершенно иная картина возникает в том случае, когда в спор по цивилизационной проблематике включаются публичные политики, что сегодня и происходит. Их определения, оценки и подходы иногда становятся общеизвестными и более того – оказывают несомненное влияние и на узус, и даже на язык тех научных дисциплин, которые слишком близко находятся от «политической кухни» и «фабрик мысли». Если продолжить сравнение с денежной системой, то здесь можно говорить о ценных бумагах, курс которых напрямую зависит от стабильности того или иного режима, уровня взаимопонимания между основными акторами политики, а также от сиюминутной политической конъюнктуры и «спекуляций на рынке ценных бумаг».

Самое общее представление о цивилизации, которое можно рассматривать как инвариантную схему, заключается в том, что под цивилизацией понимается устойчивая форма человеческого сообщества, которая объединяет этнические группы, народы и нации, а иногда и государства. Объединяет на основе особенностей, либо выделяющих человека из природы (*общечеловеческая цивилизация*), либо позволяющих сохранять социокультурные отличия и преемственность поколений. Среди качеств, воспроизводящих самобытность и уникальность, обычно указывают общую религиозную и языковую принадлежность. В этом случае речь идет о так называемых *локальных цивилизациях*, в том числе и *государствах-цивилизациях*, – как существующих ныне, так и исчезнувших, оставшихся в истории

общечеловеческой или глобальной цивилизации. Россия относится к числу немногих государств-цивилизаций (в одном ряду с Индией и Китаем), что предопределено ее географическим положением и историческим развитием, масштабами и богатством природных ресурсов, этническим и конфессиональным многообразием, уникальным опытом межэтнического взаимообогащения, который и служит гарантом сохранения целостности России как уникального культурно-природного синтеза.

Столь широкое толкование понятия приводит к тому, что его значение обычно устанавливается только в контексте устной или письменной речи, когда можно судить об эрудированности человека и его национальной принадлежности (в различных языках само это слово до сих пор сохраняет различные коннотации и оттенки), о политических установках и мотивации. Последнее требование – ключевое, поскольку понятие «цивилизация» позволяет одновременно манипулировать многими смыслами, свободно комбинируя и «накладывая» их по своему усмотрению, что открывает неограниченные возможности для политической аргументации и манипулирования. Но, несмотря на свою многозначность, это понятие давно вошло в узус многих языков и уже более двух столетий служит своеобразной «биркой», принятой в мировом научном сообществе и применяемой для обозначения феномена надэтнического, наднационального и метаисторического единства.

Природа этого единства чаще всего основывается на признании неких высших смыслов – ценностей и святынь, прежде всего, конфессиональных, представление о которых не укладывается в прокрустово ложе узких политических целей и геополитических проектов. Выделим только некоторые из наиболее распространенных подходов к осмыслению феномена цивилизации, получивших распространение в научной литературе и языке политики у большинства народов. Под цивилизацией и, соответственно, *цивизованностью* (принадлежностью общества, этнокультурной или

социальной группы, той или иной нации или отдельного человека к цивилизации) понимают:

- Совокупность накопленных и усвоенных человечеством ценностей или особый тип и путь культурно-исторического развития, который проходят все или немногие, избранные, народы, а также высший этап, историческую ступень или веху на условно намеченной линии развития. Такое толкование должно свидетельствовать о зрелости и завершенности некоей политической системы, что широко используется в целях культурной легитимации политических режимов.

- Сложившийся культурно-исторический тип человеческой общности, ставший или образцом для всеобщего подражания, или «неподражаемым образцом» – свидетельством высшего избранничества какого-либо отдельного народа или группы народов и государств. На основе такого понимания рождаются мессианские идеи, играющие огромную роль в геополитике и призванные легитимировать изоляционизм или, напротив, цивилизаторскую экспансию. К этому же разряду толкований относится и способ самопозиционирования национальных элит, цель которого – признание за какой-то нацией или социальной группой набора качеств, свидетельствующих о ее *цивилизованности* и, соответственно, о приобщенности доморощенной культуры к «высшему образцу» – *культуре цивилизаторов*. Именно так можно объяснить происхождение *европоцентризма* и «*европейничания*», прочие глобалистские варианты культурного и политического прозелитизма.

- Набор научных или псевдонаучных теорий и политических доктрин, позволяющих подавить внутренние распри в обществе благодаря мобилизации перед лицом реальной или вымышленной внешней угрозы, исходящей от потенциального исторического врага – *чуждого* цивилизационного мира, *варваров*. В том случае, если такого врага не существует, его приходится изобретать, чтобы потом бороться с ним (в соответствии с известной китайской стратегией). К сожалению, в истории таким врагом-жупелом европейские

правители не раз «назначали» Россию, что получило теоретическое обоснование, к примеру, в книге-манифесте «Пан-Европа» основателя Панъевропейского союза Р. Куденхове-Калерги.

Говоря о традиционалистском взгляде на мир и цивилизационном подходе, следует выделить главное: этот подход ни при каких условиях нельзя заподозрить в том, что он несет в себе некую идеологию, поскольку идеологии и цивилизационный подход совершенно не совместимы. Чтобы пояснить этот тезис, можно сослаться на авторитет шотландского философа Дэвида Юма, которого не без основания причисляют к основоположникам экономического либерализма (само это причисление – иллюстрация того, насколько далеки основатели академической теории от адептов одноименной политической идеологии). В своем известном эссе «О первоначальном договоре» Юм подметил важную особенность всех так называемых политических идеологий, и сделал это еще в то время, когда они только зарождались и оформлялись. По его мнению, идеология пытается, прежде всего, вытеснить из сознания людей и народов религиозное чувство, требуя от человека всей полноты веры, но вовсе не религиозной. Юм утверждает, что в этом случае происходит логическая подмена, когда сама идея договора становится, по сути, «философским суеверием», которое претендует на то, чтобы заместить собой место религиозных идей. Именно это и предопределяет, по словам Юма, его «скептическое отношение к политическим схемам и тому, что впоследствии состоялось как «идеологии», а также понимание искусства политики как сохранения и поддержания или исправления опробованных установлений».¹

Каким же образом связан цивилизационный подход с религиозным отношением к миру? Продемонстрировать эту связь совсем не сложно, сославшись на незыблемые авторитеты в науке. Авторы всех серьёзных цивилизационных теорий, описывающих историю становления локальных

---

¹ Livingston D. David Hume and the Conservative Tradition // Intercollegiate Review, vol. 44, № 2, Fall 2009.

цивилизаций, в том числе и нашей, Русской (не буду даже перечислять славные имена, поскольку их знает каждый гуманитарий), выделяют ключевые отличительные признаки состоявшихся цивилизаций. И подавляющее большинство сходится в одном: важнейшим условием и признаком, объясняющим возникновение и устойчивость цивилизационных миров, живущих столетиями и тысячелетиями, служит распространение мировых религий. Правда, такое доказательство устроит лишь тех, кто знаком с этими теориями.

Можно ли преодолеть эту путаницу? Можно, хотя и не просто. Для начала и следует перенести акцент на научные теории, хотя бы бегло перечислив и разложив по полочкам только самые известные подходы к феномену, названному цивилизацией. Благодаря этой методе исчезнет предмет для многих пустых и заведомо демагогических споров, что очень важно, когда о цивилизации начинают рассуждать идеологически ангажированные люди, привыкшие к подмене понятий.

Главное, из чего следует исходить при сопоставлении различных и зачастую конкурирующих концепций и школ – это, как уже говорилось, уважительное отношение к каждой позиции, если она закрепились в научном сообществе. Назову несколько причин столь бережного отношения, кроме, разумеется, требования корректно относиться к оппоненту. Во-первых, в каждой точке зрения может быть доля истины. Во-вторых, даже из фрагментарных и спорных знаний можно составить красочную и объемную картину, дающую представление об эволюции идей, о причинах их популярности или непопулярности, а также о том, как они связаны с реальной политикой – внутренней и внешней. Далек не всегда самые глубокие идеи воспринимаются политиками и, напротив, зачастую наименее обоснованные взгляды получают всеобщее признание, что также требует осмысления. В-третьих, нельзя забывать, что положение «судьи», которого никто не

уполномочивал судить, не является самым надежным и достойным («Не суди и не судим будешь»).

Представления о сущности цивилизации и, соответственно, о цивилизационной принадлежности как об особой форме индивидуальной и коллективной самоидентификации восходят к двум элементарным концептуальным схемам, давно доказавшим свою продуктивность и эвристический потенциал.

Первая схема предполагает признание в качестве универсальной модели для человечества какой-то одной из существующих версий эволюционно-поступательного движения и социального развития (линейной, фазовой, формационной, волновой, спиральной и т.п.) или их сочетаний. Бросается в глаза, что большая часть теорий, выросших из этой схемы, строится на метафорах. Это, с одной стороны, делает теории более доступными для понимания, усвоения и распространения в качестве учений и доктрин (здесь помогают особые мнемонические и эвристические эффекты метафорического мышления), но, с другой стороны, затрудняет их непротиворечивое сочетание: мешает не столько научная логика, сколько образный ряд. По этой причине трудно «скрестить» даже тесно взаимосвязанные теории. Плохо сочетаются, например, волновые концепции смены цивилизаций (наиболее известна тоффлеровская модель трех цивилизационных волн) и «стадиально-организменные» теории. И это понятно: произвольное и некритическое соединение образов «волны» и «возраста» явно противоестественно, хотя оно нередко встречается в одних и тех же научных текстах. Для того, чтобы снять затруднения такого рода, приходится или не замечать противоречий, или адаптировать авторские концепции, заменяя несовместимые метафоры на нейтральные построения. Но, несмотря на все трудности методологического характера, возникающие в этом процессе, сегодня все большее распространение получают именно попытки синтеза различных цивилизационных теорий.

В основе всех этих теоретических версий, относящихся к первой концептуальной схеме, лежит, как правило, *идея прогресса* – цивилизационного, социального, научно-технического, политического. Впрочем, со времен Ш.Фурье, Ф. Ницше и З. Фрейда эта схема соотносится и с идеей социального и культурного *регресса*, деструкции. По словам того же О. Тоффлера, наша цивилизация по мере своего «восхождения» все в большей степени отлучает человека от духовной, идеальной стороны бытия, лишает его шанса проникнуть в «великую неизвестность – мир духа». Однако во всех своих модификациях (прогрессистской, антипрогрессистской и «объективистской», размывающей границы между прогрессом и регрессом) данная концептуальная схема широко используется политиками и представителями научного сообщества, вовлеченными в процесс стратегического планирования и прогнозирования. При этом наиболее продуктивными с прогностической точки зрения в настоящее время следует признать ее технократические варианты, начиная с теории длинных волн Н.Д. Кондратьева и концепции инновационных волн И. Шумпетера. Особого внимания в этом контексте заслуживает оригинальная теория смены технологических укладов, предложенная С.Ю. Глазьевым, поскольку она предполагает учет не только природно-экономического и человеческого потенциала России, но и ее конфессионально-цивилизационной, исторической и социокультурной специфики.

Вторая схема базируется на констатации неоспоримого (да никем и не оспариваемого) факта *цивилизационной многомерности человечества*, и, соответственно, *цивилизационной многомирности*, допускающей сосуществование в рамках одного времени не только различных национальных культур, но и несовместимых временных пластов, исторических эпох. Эта традиционалистская версия, утверждающая (в идеале) самоценность феномена этнокультурного и цивилизационного многообразия, также восходит к историософским воззрениям Н.Я. Данилевского. Именно этот ключевой вопрос

– о целесообразности сохранения и самосохранения русской государственности, по мнению Данилевского, больше всего волнует сторонников «моноцивилизационной» трактовки прогресса, поскольку для них образ Европы тождественен германо-романской цивилизации, которая, в свою очередь, подается как безальтернативный путь цивилизационного развития и приравнивается к «подлинной» цивилизации. Таким образом, жесткая установка на ослабление России и разрушение ее «государственной скорлупы», расчленение единого русского народа на конфликтующие нации и нежелание рассматривать права российских народов на самостоятельное владение собственными природными ресурсами, составляющими львиную часть планетарного ресурсного потенциала, – две стороны единого геополитического проекта, в котором нет места единой и неделимой России.

Очевидно, что обе эти базовые концептуальные схемы («прогрессистско-эволюционистская» и традиционалистская, «многоцивилизационная») могут быть в рамках конкретных теоретических построений как противопоставлены, так и совмещены, «скрещены». Более того, они часто рассматриваются как взаимодополняющие. Эта традиция, к слову, также идет от Данилевского, который, обосновывая право культурно-исторических типов на самостоятельное развитие, особо выделял наличие общих тенденций и этапов в их становлении с учетом доминирующих функций, отличающих основные цивилизации. Данилевский также указывал на факторы, влияющие на взаимодействие культурно-исторических типов, конкуренцию и возникновение неизбежных межцивилизационных конфликтов в историческом развитии.

Относительная успешность или неконкурентоспособность тех или иных теорий, объясняющих феномен цивилизации, зависит не только от их истинности, а тем более не от их научной, эвристической ценности, которая, кстати, не всегда ведет к полноте истины. Как говорил Н. Бердяев в работе «Творчество и объективация, опыт эсхатологической метафизики», истина вообще не полезна в этом мире, ибо не оказывает услуг, а принятие до конца

евангельской истины привело бы, по его мнению, к разрушению государств и цивилизаций, организованных по закону этого мира, противоположного евангельской Истине.²

Политическая конъюнктура, скрытая в недрах недоступной для анализа мотивации, достаточно легко обнаруживает себя при использовании схем в научном и политическом дискурсах. Вполне отчетливо эта тенденция обнаруживается, к примеру, в тех новообразованных странах на постсоветском пространстве, где власть демонстрирует заинтересованность в использовании радикального национализма и переосмыслении истории вплоть до ее фальсификации, чтобы обосновать свою принадлежность не к российской, а к западной цивилизации. Иллюстрация – большое количество заказных исследований об «атлантической идентичности» малороссов, а также попытка предложить собственную версию развития мировых цивилизаций, прародительницей которых была мифическая «протоцивилизация древних укров».

Следует обратить внимание на два обстоятельства, без которых не понять, каким образом удастся критикам цивилизационного подхода соединить несоединимое – Русскую цивилизацию и идеологию как геополитический проект, поставить между ними знак равенства. А подобные заявления делается постоянно и напористо.

Обстоятельство первое: строго линейного развития не существует, и следует время от времени вспоминать о реальной и противоречивой истории России. Применительно к имперской истории много и справедливо говорилось как об общих чертах, так и о глубоких отличиях нашей, восточно-христианской, цивилизации, идущей от Византии, и западно-христианской. Но истории – не ровная и полноводная река. Иногда она «пересыхает», что кардинально меняет все сферы жизни, в том числе и соотношение радикальных идеологий и традиций. С одной стороны, временные горизонты европейского и

---

² Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.

российского цивилизационных миров (столетия и тысячелетия) никаким образом не соответствуют жизненным циклам сменявших друг друга политическим доктринам и идеологиям, которые существуют, в принципе, совсем не долго, хотя у обывателя и может возникнуть иллюзия их «вечности». Эта иллюзия возникает из-за того, что изменчивые доктрины сохраняют имя старых теорий, давших начало какому-то «великому учению», хотя преемственность в партийных идеологиях давно утрачена. Остался только «бренд».

Но и недооценивать роль идеологий на процесс цивилизационного развития также нельзя. Чтобы в этом убедиться, достаточно напомнить о богоборческой эре в развитии России, которая в результате господства радикальной идеологии изменила до неузнаваемости свою цивилизационную природу. Более того, само представление о цивилизации сместилось в плоскость узкого проектного мышления, а на смену традиционной жизни пришла совершенно новая, новоизобретенная цивилизация-проект. У этой псевдо-цивилизации, а по сути, чистой идеологии, вообще не было истории, которую она определила как «наследие проклятого прошлого». Перед ней стояла другая задача – рытье бездонного «котлована» под величественное здание Общечеловеческого Будущего, сконструированного отцами мировой революции. В этом смысле идеология и «цивилизация», действительно, составляли некоторое время особый сплав, который, как показала жизнь, был всего-навсего утопией, как и любая другая попытка заменить многоцивилизационный мир на унифицированный проект.

Именно богоборческая идеология выжигала собственно цивилизационную основу российского общества – религиозную идентичность народа. Саму эту идентичность, как известно, принесли в жертву идолу – политическому учению, в котором обосновывался Великий проект построения бесклассового и бессловного общества, свободного от любой эксплуатации,

но лишённого ради этой свободы права на частную собственность и права на свободу вероисповедания.

Обстоятельство второе: применительно к нашим дням правильнее было бы говорить уже об отличиях между возрождающейся Русской цивилизацией (а это очевидный и обнадеживающий факт, в котором легко убедиться – для этого достаточно войти в любой храм!) и западно-посхристианской цивилизацией. Объяснение требует отказаться от некоторых стереотипов и, прежде всего, от представления о неизменной европейской идентичности. Пришло, видимо, время полностью променять эту идентичность на голую и примитивную идеологию.

В последние годы темпы вытравливания духа христианской культуры у европейских народов вполне сопоставимы с большевистским размахом. Разве что публичных казней нет, но борьба с террором набирает обороты, как и сам террор. И впереди – багровое зарево в сочетании с окончательной победой идеологии либерализма в духе раннего Ф. Фукуямы. К тому же, и делается всё у неоевропейцев по тому же самому шаблону, что и у красных комиссаров: начинают с принудительного введения богоборческих законов и наказаний за их неисполнение. Цели вроде бы у большевиков и ЕС-овцев разные – в одном случае классовая чистка, а в другом – воспитание у коренных евро-народов полной толерантности к «другим культурам» или тем «новым европейцам», которые на дух не переносят евро-традиции, но хорошо усваивают дух потребительства. Глядишь, эти общие ценности сами по себе одолеют отличия, в том числе этнокультурные, языковые и религиозные. В речах лидеров ЕС все чаще повторяется утверждение: чем быстрее из языка европейцев уйдет само устаревшее слово «народ», тем быстрее они достигнут целей ЕС. Самое удивительное – никого такие заявления даже не удивляют...

Но в чем-то существенном цели все-таки полностью совпадают: и там, и здесь формируют популяцию нового человека, оторванного от собственного «проклятого прошлого». И бесклассовое общество, и евро-сообщество,

построенное на подавлении традиционной самоидентичности европейских народов, – это, разумеется, утопии, но кто сказал, что утопии нельзя воплотить в действительность? Вся человеческая история – свидетельство тому. Главное, что отличает утопический проект от реального – то, что утопия обрывает возможности выбора в дальнейшем, а потому заводит в тупик даже великие проекты мирового переустройства и великие народы, которые пытаются эти проекты воплотить.

Естественно, сразу после такой полной и всепокрушающей победы либерализм перестает называть себя идеологией и именуется с тех пор предельно скромно: деидеологизацией или еще проще – общечеловеческой цивилизацией. И в этом есть доля правды: если победила одна идеология, то есть один проект светлого будущего для всего человечества, то и морочка с борьбой идеологий, то есть конкуренция проектов, стала совершенно ненужной. Кстати, именно по этой причине и в то же время, когда такая идея осенила Фукуяму, она отразилась и в конституции постсоветской России, в которой возникло странное требование запретить любую идеологию, кроме, разумеется той, на которой построена политическая система, возвращающая страну в эпоху «первонакопительства».

Вот где кроются корни странного, но только на первый взгляд, неприятия полицивилизационного подхода у наших последовательных «западников», для которых смена собственной цивилизационной идентичности – незначительная уступка делу вхождения в «цивилизацию будущего».